

ПРЕДЕЛЬНОЕ УСКОРЕНИЕ

СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ ТЫ ДУМАЛ

ГРИГОРИЙ ЭР
2026

18+

Григорий Эр

**Предельное ускорение.
Сильнее, чем ты думал**

«Автор»

2026

Эр Г.

Предельное ускорение. Сильнее, чем ты думал / Г. Эр —
«Автор», 2026

На Мее не живут — готовятся. К единственной Гонке, из которой не возвращаются. Кайр не легенда трека и не обречённый аутсайдер. Он середняк верхней половины рейтинга: достаточно сильный, чтобы иметь шанс, и недостаточно яркий, чтобы на него ставили. Пока другие жгут ресурс на чистой скорости, он учится слышать поток и переключаться в последний момент. Потому что на Мее полно школ и гипотез — и ни одной проверенной карты. С финиша никто не привозит отчёт. Это книга о предельном ускорении и цене первого места. О подготовке вслепую. О дружбе, соперничестве и той секунде, когда трасса перестаёт быть трассой. Читается как жёсткая космическая гонка — и держит до последней страницы, потому что финиш оказывается сильнее, чем кажется на старте. Вы захотите перечитать эту книгу еще раз. Если любите фантастику, в которой мир собран точно, герой не супермен, а интрига не отпускает до конца — начинайте. Обратно с этой трассы не выезжают.

© Эр Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Гонка — это жизнь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Григорий Эр
Предельное ускорение.
Сильнее, чем ты думал

Глава

Глава 1. Гонка — это жизнь

— Ты опять первый на треке?

— Не первый. Просто раньше остальных.

— На Мее это одно и то же.

— Нет. Первым становятся на Эрде. Здесь только делают вид.

Я не ответил. Сира и так услышала достаточно: утренний трек ещё пустой, свет холодный, а разговор уже идёт по кругу, как все разговоры перед отбором.

Мея — древний мир.

Настолько древний, что уже никто точно не помнит, откуда он взялся и почему именно здесь всё устроено так. Мы почти ничего о нём не знаем. Только то, что нужно для Гонки. Стены иногда бывают тёплыми. Воздух — густым, как перед сдвигом плотности. Свет падает не всегда сверху, а иногда будто изнутри самих поверхностей. Время тянется или щёлкает слишком быстро. Мы к этому привыкли. Привыкли так сильно, что перестали удивляться.

Здесь всё одновременно похоже и непохоже. Треки знакомы до боли — и всё равно кажутся чужими, если присмотреться. Формы отточены так давно, что уже не отличить, где заканчивается расчёт и начинается привычка мира держать нас в этих контурах.

Меня зовут Кайр.

Я не из первых. И не из последних. Середина верхней половины рейтинга — моё место уже несколько циклов. Достаточно высоко, чтобы иметь шанс. Достаточно низко, чтобы на меня не ставили всерьёз. Это удобно. На тебя меньше смотрят. И меньше ждут.

Утренний трек был почти пуст. Холодный голубоватый свет ровно лился вдоль стен. Вдалеке гудели чужие капсулы — кто-то уже работал на предельных режимах. Звук этот всегда один и тот же: низкий, ровный, без права на сбой.

— Снова средний? — спросила Сира. Она подошла беззвучно, как любила это делать.

— Средний сегодня правильный.

— Вейр уже закончил максимальный. Я видела. Выглядит так, будто только разогрелся.

— Пусть выглядит.

Сира встала рядом и скрестила руки.

— Ты когда-нибудь попробуешь выжать всё? Хотя бы раз. Просто чтобы проверить.

— Когда будет нужно.

— А ты узнаешь, когда будет нужно?

Я посмотрел на неё. У Сиры короткие тёмные волосы и привычка смотреть чуть мимо, словно ей всегда интересно что-то за спиной.

— Нет, — сказал я. — Поэтому и не тороплюсь.

Она хмыкнула. Мы оба знали, о чём молчим. На Мее полно гипотез о том, что даёт победу. Одни до последнего верят только в скорость. Другие ставят на реакцию. Третьи клянутся холодным расчётом. Есть те, кто говорит об осторожности и умении вовремя сбросить темп. Есть даже те, кто шепотом упоминает чутьё. Доказательств нет ни у кого. Только теории. И те, кого больше нет.

Гонка одна.

Не две. Не «ещё одна попытка в следующем цикле». Одна. Кто не доходит — не возвращается. Капсулы проигравших не возвращаются обратно. Об этом не спорят. Это не гипотеза. Это правило, которое Мея не обсуждает.

Я подошёл к своей капсуле. Она открылась беззвучно и приняла меня быстро. Коннект прошёл ровно, без сбоев. Мир снаружи стал чуть дальше, ощущения внутри — острее. Каждый импульс, каждое изменение плотности — как если бы поток сам решал, пустить меня или нет.

Движение.

Сначала ровно. Потом быстрее. Я не давил на максимум. Шёл рядом с потоком, ловя его сдвиги. Сегодня он был плотный и слегка нервный — будто среда тоже чувствовала приближение отбора. Большинство на моём уровне в такие моменты начинают форсировать. Ломают ритм. Пытаются подчинить трассу. Я так не делаю. Уже давно.

Внутри капсулы мысли становятся короче. Тут не до длинных формулировок. Только следующее окно, следующий сдвиг, следующий сброс, следующий разгон. Я поймал себя на том, что считаю удары восстановления организма, хотя считать незачем. Привычка. Старый Элан когда-то сказал: «Если считаешь — ты ещё не в потоке. Если перестал — уже опасно». Я так и не решил, какая из половин этой фразы важнее.

Капсула мягко сигнализировала о конце подхода. Я вышел. Ноги дрожали рабочей дрожью.

На верхней платформе стоял Вейр. Собранный, ровный, с лицом того, кому не нужно ничего доказывать. Он смотрел вниз так, как смотрят на тех, кто пока не дотянул.

- Кайр, — бросил он. — Всё ещё играешь в осторожность?
- Играю в то, что работает.
- Пока работает. В Гонке будет поздно менять стиль.
- Значит, не буду менять.

Вейр чуть улыбнулся уголком рта. У него всегда одна и та же улыбка — будто результат уже известен.

— В Гонке нет «пока». Там либо доходишь, либо тебя нет. Ты это помнишь?

— Помню.

— Тогда перестань готовиться так, будто будет второй заход.

Он развернулся и ушёл к своим модулям. Сира проводила его взглядом.

— Он сегодня особенно невыносимый.

— Он всегда такой, когда до отбора мало циклов.

— Ты его боишься?

— Нет.

— Уважаешь?

Я пожал плечами.

— Принимаю как факт. Он сильный. Это не обсуждается.

— А ты?

— А я пока здесь. Этого достаточно.

Мы пошли вдоль трека к зоне восстановления. По пути нам встретились двое из нижней группы. Говорили быстро и вполголоса, но на пустом участке было слышно.

— ...говорят, потоки на Эрде в этот раз совсем другие.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал. Кто-то из обслуживающих обмолвился.

— Обслуживающие ничего не знают. А прошлых уже нет. Нечего слышать.

— Всё равно. Если среда там жёстче, середнякам конец в первых же отрезках.

— Среднякам конец всегда. Разница только в том, на каком участке.

Они замолчали, едва заметили нас, и ускорили шаг. На Мее некоторые вещи произносят только шёпотом. Или не произносят совсем.

Зона восстановления встретила ровным низким гулом. Кокон стояли в два ряда — тёмные, обтекаемые, почти одинаковые.

Кокон на Мее — одни из самых старых вещей, что у нас остались. Их форма не менялась сотни тысяч лет, а возможно, и гораздо дольше. Говорят, её оттачивали так долго, что уже невозможно понять, где заканчивается технология и начинается что-то иное. Кокон просто есть. И он работает лучше, чем большинство из того, что появилось позже. Правда не так давно стали ходить слухи о чем-то новом, неизведанном.

Я подошёл к своему. Стенки разошлись и приняли тело точно, без лишнего давления. Тепло пошло ровными волнами, снимая остаточную тряску после подхода. Сира осталась стоять рядом, опираясь о соседний модуль.

— Кайр.

— М?

— Ты правда думаешь, что у тебя есть шанс?

Я закрыл глаза. Кокон уже брал нагрузку на себя.

— Думаю, что у всех, кто ещё здесь, он есть. Пока мы здесь.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть.

Сира помолчала.

— Иногда мне кажется, что ты слишком спокойный для того, у кого впереди одна попытка. Без возврата. Без всяких «потом разберёмся».

— А иногда мне кажется, что все остальные слишком громкие. Как будто громкость увеличивает вероятность дойти.

Она коротко, почти беззвучно засмеялась.

— Громкость не увеличивает. Но тишина тоже не спасает. Я видела, как тихие сыпались на простых сдвигах. Просто молча.

— Знаю.

— Тогда зачем ты молчишь чаще других?

— Чтобы слышать поток. А не себя.

Сира покачала головой и ушла. Шаги растворились в гуле зоны.

Кокон перешёл в более глубокий режим. Мысли, которые на треке были короткими, здесь чуть растянулись. Я думал о том, что «шанс» — плохое слово. Шанс звучит так, будто можно выбрать не идти. На Мее этот выбор заканчивается рано. Кто остаётся в рейтинге, тот уже внутри правила: либо Гонка, либо исчезновение по дороге к ней. Третьего контура нет.

Я вспомнил цикл, когда из нашей линии сразу трое не вышли с тренировочного трека. Не на Эрде. Ещё здесь. Капсулы остановились. Связь оборвалась. Их больше не вызывали по имени. На следующий цикл на тех местах стояли другие. Никто не произносил лишних слов. Произносили «не дошёл», «растворился», «среда взяла». Смысл был один.

Второй подход я сделал жёстче. Не на максимум, но близко. Поток сопротивлялся сильнее, пытался сбить ритм мелкими рывками. Я не ломал его. Ждал окно и проскальзывал. Получилось чище, чем утром. На выходе в корпусе ещё стоял гул плотности.

На треке уже было больше гонщиков. Кто-то сверял показатели. Кто-то спорил, какая школа сейчас сильнее.

— Чистая скорость в этот раз не сработает.

— Ты это в каждом цикле говоришь.

— А потом первые сыплются именно на скорости.

— Потому что не умеют вовремя сбросить.

— Или потому, что боятся. Страх на Эрде стоит дороже ошибки в расчёте.

— На Эрде вообще всё стоит дороже. Там нет возврата в модуль и «давай ещё раз».

Споры эти тянутся столько, сколько я себя помню. Закончатся только вместе с самой Гонкой.

На соседней платформе стоял Элан — старый наставник. Он уже давно не в рейтинге. Просто наблюдает. Иногда подходит. Сегодня подошёл.

— Ты снова не жмёшь до конца, — сказал он без приветствия.

— Не вижу смысла жечь ресурс здесь.

— Смысл появится внезапно. И ты можешь не успеть переключить режим.

— Тогда успею в моменте.

Элан покачал головой. Голос у него сухой, без украшений.

— Момента может не быть. Ты готовишься к гонке, в которой ошибаются один раз. Не три. Не «почти». Один. После этого тебя нет в списках, нет на треках, нет даже в чужой памяти надолго. Мея быстро забывает тех, кто не дошёл.

— Знаю.

— Тогда зачем притворяешься, что не знаешь?

Я молчал. Элан не ждал ответа. Он никогда не ждал.

— Слушай поток, не рейтинг, — добавил он уже тише. — Рейтинг любит тех, кто хорошо выглядит в среднем режиме. Эрде любит тех, кто не ломается, когда средний режим кончается.

Он ушёл. Я смотрел ему вслед и думал, что фраза про «Мея быстро забывает» была не жестокостью. Это была точность. Мы все это знаем. Просто произносят это редко, чтобы не сбить ритм перед отбором.

К полуденному циклу треки стали теснее. Объявили промежуточные срезы. Имена вспыхивали на панели — кто поднялся, кто просел, кто остался на месте. Моё имя стояло там же, где вчера. Ни вверх, ни вниз. Стабильность. Для одних это стыд. Для меня — рабочая зона.

Сира поймала меня у панели.

— Ты снова ровно.
— Ровно лучше, чем красиво и коротко.
— Вейр снова выше.
— Он и должен быть выше. Пока.
— «Пока» ты говоришь слишком часто.
— Потому что «навсегда» у нас бывает только у тех, кто уже на Эрде. И то не у всех.
Она замолчала. Потом кивнула на нижние строки списка.
— Трех сняли за ночь. Даже не допустили к утреннему треку.
— Знаю, они ещё не готовы. Это очевидно.
— Ты видел их вчера.
— Видел.
— И ничего?

— Что я должен сказать? Что жаль? Ну немного жаль. Что это несправедливо? На Мее это слово почти ничего не весит. Гонка не спрашивает, удобно нам или нет.

Сира потёрла висок.

— Иногда мне кажется, что мы уже в Гонке. Просто ещё не назвали это стартом.

— Нет. Здесь ещё можно выйти из капсулы и лечь в кокон. Там — нет. Разница небольшая. Но она есть.

Вечером, когда основные подходы закончились, я сидел в общей зоне и пил восстановительный раствор. Вкуса почти никакого. Только температура и плотность. Свет на дальних треках медленно гас, как гаснет всегда — без театра, по расписанию.

Вейр прошёл мимо, остановился, будто вспомнил, что я ещё существую.

— Завтра максимальные окна откроют раньше, — сказал он. — Если снова спрячешься в среднем, отбор это запомнит.

— Отбор запоминает финиш на Эрде. Всё остальное — шум.

— Шум тоже отсеивает. Не всех довозят до шума настоящего.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Это тоже было его стилем: бросить фразу и оставить её во мне, как занозу.

Сира села напротив.

— Он снова тебя проверяет.

— Пусть проверяет. Это дешевле, чем проверять поток.

— Ты правда не боишься, что не пройдёшь отбор?

Я покрутил емкость в пальцах.

— Боюсь не отбора. Боюсь дойти до старта и понять, что готовился не к той гонке. Что всю жизнь собирал не те навыки. Скорость вместо расчёта. Расчёт вместо реакции. Реакцию вместо того, чего никто не назвал.

— Тогда что ты собираешь?

— Возможность переключиться. Если повезёт, этого хватит. Если нет — хотя бы буду знать, что не жёг всё заранее.

Сира долго смотрела в стол.

— А если на Эрде не будет времени переключаться?

— Тогда прав Вейр.

— И ты спокойно это произносишь.

— Не спокойно. Просто произносить это всё равно придётся. Лучше здесь, чем в тот момент, когда назад уже нет.

Она подняла глаза.

— Скажи ещё раз. Про «назад нет». Хочу услышать, как это звучит у тебя, а не у стариков.

Я ответил ровно:

— Гонка одна. Кто не доходит — не возвращается. Капсула не приходит. Имя снимают. Трек занимает другой. Мея продолжает цикл. Вот и всё.

Сира кивнула. Кивок был короткий, почти жёсткий.

— Хорошо. Значит, не будем делать вид, что это спорт для тех, кто любит скорость.

— Это никогда не было этим. Просто удобно так думать между подходами.

Она встала.

— Завтра опять средний режим?

— Посмотрим.

— Ты невозможный.

— Знаю.

Когда она ушла, я ещё сидел и слушал, как затихает зона. Где-то далеко кто-то спорил о Белом свете — вполголоса, с нервным смешком, как спорят о том, во что стыдно верить и ещё стыднее не верить. Я не присоединился. Не потому, что не думал об этом. Потому что думать о финише до старта — тоже способ сжечь ресурс.

Кокон принял меня на ночной сброс. Стенки легли точно, как ложились сотни тысяч циклов до меня и будут ложиться после — если после меня здесь вообще кто-то останется вспоминать форму. Я лежал и слушал ровный гул.

Гонка — это жизнь.

На Мее это знают даже те, кто старается об этом не думать.

Особенно те, кто старается.

Потому что думать приходится всё равно: либо ты идёшь вперёд, либо тебя больше нет. Третьего Мея не предусмотрела.

Глава 2. Готовься стать первым

Подготовка на Мее никогда не выглядит как ожидание. Она выглядит как попытка стать сразу всем — и ещё успеть не сгореть до старта.

Утром стартовый коридор уже гудел, как живой моторный парк. Не одним ритмом — сразу несколькими. Все хотели только одного — быстрого старта и максимальной отдачи, отдачи до самого финиша. Где-то рвали поток на чистом газу, пока капсула едва не срывала сцепление со средой. Где-то резали короткие шиканы: вход, сброс, выход, снова газ. Кто-то стоял в почти стоячем режиме и ловил микросдвиги плотности, будто победа прячется не в рывке, а в том, чтобы не дёрнуть линию на долю импульса раньше.

Пахло нагретым контуром, жженой резиной и холодным раствором. Стены дрожали вибрацией переходящей от мелкой к такой сильной, что трек почти начинал развалиться.

Свет в этом крыле пульсировал чуть заметно, в такт чужим подходам. Если прислушаться, можно было понять, кто сегодня работает на пределе, на самом пределе. У предельных всегда резкий, рванный гул.

Никто не знал, какой стартовый набор для Гонки окажется нужным и кто из него уйдет на Эрде. Уйдет, чтобы никогда не вернуться. Только слухи. Без источника. Без телеметрии. Без тех, кого можно спросить после финиша.

На панели у входа горело привычное:

«ГОТОВЬСЯ СТАТЬ ПЕРВЫМ»

Под ним — мелким:

«Одна попытка. Возврата нет.»

Это не лозунг для настроения. Это регламент.

— Сегодня скорость, — сказал кто-то у бокса. — Только скорость. Всё остальное —
утешение для середняков, которым не хватает тяги.

— В прошлом цикле тоже так орали, — ответили из соседнего створа. — И лидеры сыпались на простых изломах, как на разлитом масле.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал.

Это слово на Мее звучало чаще любого другого. *Слышал*. Никогда — *снял повтор и привёз данные обратно*.

Я стоял у своей капсулы и смотрел на сетку режимов. Скорость. Ловкость. Осторожность. Расчёт. Креатив. Выносливость. Смешанные окна. Связка «газ плюс сброс». Связка «траектория вслепую». Можно выбрать всё. Нельзя выбрать правильно.

Капсула сидела в ложементе ровно, носом чуть вниз. Форма обтекаемая, злая, будто её точили не конструкторы, а сам ветер плотности. Я провёл ладонью по корпусу. Тёплый. Значит, ночная калибровка прошла успешно и без сбоев.

Сира подошла и ткнула пальцем в строку «нестандартные манёвры».

— Ты сегодня снова будешь «читать трассу» вместо того, чтобы её проходить?

— Сначала скорость. Потом манёвр. Потом сброс.

— Это не план. Это квалификация без заявки на победу.

— Заявка без знания покрытия — тоже не план. Только громче.

Она фыркнула и кивнула на дальние боксы, где уже орали цифры секторов.

Я сел в капсулу. Ложе приняло корпус сразу. Связь ударила в виски холодной волной. Приборная полоса зажглась: плотность, сцепление, запас импульса, угол атаки. Ни кругов, ни пит-лимита. Только окно. И ты внутри него.

Первый подход — чистый газ.

Поток сразу ударил в нос, пытаясь сорвать с линии. Я не пошёл в лобовую. Добавлял тягу короткими порциями, ловя моменты, когда сопротивление чуть проседало. На воображаемом изгибе капсула запела тонко, почти опасно. Я не держал её там долго. Вышел, поймал разгон, снова вжался в поток.

На выходе панель выдала: выше моего среднего, ниже лидеров. Типичный Кайр. Быстрый для середины. Медленный для тех, кто уже ставит себя на поул.

Вейр ждал на верхней кромке бокса, даже не сняв верхний контур.

— Снова не дожал до отсечки.

— Дожал ровно столько, сколько не убивает следующий заезд.

— На Эрде нет следующего заезда. Там либо держишь газ, либо тебя сдувает с полотна.

— Да, знаю!

Он кивнул на чужие капсулы в дальнем рукаве.

— Смотри на сетку. Вон те двое весь цикл только на реакции: сброс, контрсмещение, снова газ. Вон тот — пилот осторожности. Сидит в плотном потоке и боится чихнуть на линии. А тот, с краю, рисует траектории, которых нет даже в старых схемах. Каждый готовится стать первым. Каждый по своей легенде о покрытии.

— А ты?

— Я готовлюсь быть быстрее всех в каждом секторе. Остальное — детали для тех, кто не умеет держать дугу.

— Если на Эрде чистая скорость окажется как лёд под полный газ?

Вейр посмотрел так, будто я спросил, можно ли остаться в боксах навсегда.

— Тогда снимут и быстрых, и медленных. Разница в том, что я хотя бы снимусь на своей скорости. Не на чужом страхе.

Он ушёл к своему модулю. Для него подготовка была прямой. Для меня — паддоком с десятью дверями, за которыми может не оказаться выезд.

Зона коконов работала как закрытый парк после квалификации: много тел, мало пауз, везде гул остывающих систем. Кокон стояли ровными рядами — древние, обтекаемые, с фор-

мой, которую не трогают уже сотни тысяч циклов. Рядом с ними новые панели выглядели почти вульгарно.

Я лёг. Стенки взяли нагрузку сразу. Тепло пошло от поясницы к плечам, снимая остаточный дребезг после скоростного окна. Снаружи спорили, не дожидаясь сброса.

— Осторожность — это уже поражение. Ты сам себе ставишь лимит посреди круга.

— Осторожность — это когда тебя не выносит на первом же поребрике плотности.

— Креатив? Серьёзно? Хочешь выиграть импровизацией на трассе без карты?

— А ты хочешь выиграть шаблоном на трассе без карты. Чем лучше?

Смех вышел короткий и злой, как очередь из автомата. Оба были правы. Оба не могли привезти доказательство.

Потом из второго ряда донеслось другое. Не про навыки. Проще и противнее.

— Нет, слушай до конца. На Эрде трассу якобы чистят.

— Кто чистит? Там никого нет, кроме нас и среды.

— Есть. Не наши. Биороботы. Чистильщики.

Сира, которая как раз села на край моего модуля, повернула голову.

— Повтори.

Тот, кто говорил, явно пожалел, что сказал это так близко от нас. Но отступить было уже глупо.

— Слышал от обслуживания. Якобы полотно не пустое. По нему ходят штуки, которые убирают лишнее. Попался в их поле — конец. Не попался — прошёл, будто их не было.

— Удобный страшный рассказ, — бросили с соседнего кокона. — Теперь кроме покрытия, света и собственной глупости надо бояться ещё и чистильщиков.

— Смейся. Мне говорили не «охотятся». Они не преследуют. Просто делают свою работу. Могут убить любого, кто окажется в зоне. А могут пройти вплотную и не заметить.

— Почему?

Тишина. Короткой, плотной. На Мее все хорошие слухи умирают именно на «почему».

Сира наклонилась ниже.

— Кто именно из обслуживания?

— Не скажет. И ты не скажешь, что слышал от меня.

— Размер?

— Один говорит — крупные. Другой — мелкие и их много. Третий — что они не отдельные, а как сгустки среды с заданием.

— Это уже три разных существа.

— Потому и говорю: никто не знает. Знают только итог. Задело — нет тебя. Не задело — ты ещё в заезде и думаешь, что это твоя техника.

Я открыл глаза. Потолок над коконом был матовым, без швов.

— Если они не охотятся, какой смысл готовиться к ним?

Голос из второго ряда ответил раздражённо:

— Тот же, что готовиться к яме, которая не обязана быть на схеме. Ты же не перестаёшь смотреть на покрытие только потому, что яма может не попасться.

Сира постучала по краю модуля.

— Мне не нравится слово. «Биороботы». Слишком точное для предания и слишком дикое для схемы. Будто кто-то видел движение и не сумел выбрать, живое оно или собранное.

— А тебе нравится версия, что полотно Эрде само себя подметает кусками? — спросил я.

— Нравится ещё меньше. Тогда этот чистильщик — не враг. Тогда это функция места.

А против функции не выигрывают. Ей либо не попадаешься, либо становишься мусором.

Второй подход я поставил на ловкость. Короткие уходы, ложные ускорения, смена линии в тот миг, когда поток только собирался ударить в бок. Капсула стала острее, почти нервной. Один раз я опоздал на долю импульса — корпус трянуло так, что перед глазами вспыхнуло

белое. Не Белый свет из преданий. Отсечка перегруза. Но после разговора о чистильщиках вспышка на миг показалась чужим взглядом: заметили / не заметили. Неприятный холодок всё же пробежал — ещё и это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.